

УДК 821.161.1

«ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЖИЗНИ» КАК ЦЕННОСТЬ

Крохина Н.П.

Шуйский филиал ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», Шуя, Россия (155908, Шуя, ул. Кооперативная, 24), e-mail: nadin.kro@mail.ru

Рассматривается проблема творчества жизни в русской мысли рубежа XIX-XX веков, в частности, в дневниках Л.Н. Толстого, выявляется связь этой темы с поисками новых художественных форм, границ искусства, сущности культуры. Делается вывод, что текучесть человека, дар внутренней жизни, ощущение себя частью целого наиболее выразимы в традиционно маргинальных жанрах дневника, воспоминаний, публицистической прозы, которые становятся центральными в отечественной литературе XX века. Анализируется один из ярких образцов жанра воспоминаний книга Н.Е. Семпер-Соколовой. Акцентируются проблемные узлы этой жизнетворческой повести. Делается вывод, что жизнь автора ярко выразила небывалое расширение сознания человека XX века, сочетала независимость и универсализм, интерес к мировой культуре и единство с природой, западные и восточные влияния.

Ключевые слова: творчество жизни, внутренний мир, культура, универсализм, целое, сорадование, творческие энергии.

"ARTWORK OF LIFE" AS A VALUE

Krokhina N.P.

Shumsky branch VPO " Ivanovo State University , " Shuya , Russia (155908 , Shuya, ul . Cooperative, 24) , e-mail: nadin.kro @ mail.ru

The problem of creation of life in Russian thought of the XIX- XX centuries, particularly in Leo Tolstoy's diaries, reveals the relationship of this theme with the search for new artistic forms , the boundaries of art , the essence of culture. It is concluded that the turnover human gift of inner life, feeling part of a more expressible in traditionally marginalized genres diary , memoirs , journalistic prose , which are central to the domestic literature of the twentieth century . Examines one of the outstanding examples of the genre of memoirs book N.E.Semper -Sokolova. Accentuated this problem points zhiznetvorcheskoy stor. Concludes that the author's life vividly expressed an unprecedented expansion of human consciousness of the twentieth century, combined independence and universalism , interest in world culture and unity with nature, western and eastern influences.

Keywords: creative life, inner peace, culture, universalism, integer, sympathetic joy and creative energy.

Тема творчества жизни, творческого отношения к жизни – одна из важнейших в русской мысли рубежа XIX-XX веков. Эта тема неотделима от проблемы культура и религия, а также связана с проблемой границ искусства, поисками новых художественных форм.

Л. Толстой в 1890-е гг. остро сознаёт: «форма романа...проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо» [т. 52, с. 93]. И ранее: «Есть огромное преимущество в изложении мыслей вне всякого цельного сочинения» [т. 52, с. 51]. Ибо нет ничего стабильного в жизни. Всё меняется, тает и переформулируется. Ни одна традиционная форма не способна выразить эту изменчивость и многообразие самой жизни, что порождает кризис классических миметических форм и представлений об искусстве: искусство наполняет жизнь «вместо деятельности, подобием жизни, отражением её» [т. 52, с. 86]. Недаром все модернистские движения развёртываются под знаком не отражения, а моделирования жизни. Для Толстого и его современников, деятелей нашей культуры рубежа XIX-XX веков высшей ценностью и высшим воздействием обладает сама

жизнь – «целая жизнь человеческая», «художественное произведение своей жизни». Ибо мир – творится, а «жизнь...– творение» [т. 52, с. 113, 140], живой процесс творчества, о чём Толстой постоянно размышлял в своих дневниках: «Человек течёт и в нём есть все возможности» [т. 53, с. 179].; «жизнь есть постоянное творчество» [т. 54, с. 49]; «Я имею великую радость творить жизнь» [т. 55, с. 123]. Жизнь – движение, непрерывное творчество, расширение своих пределов. Как это выразить в художественной форме? Нужна «новая форма». «Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы» [т. 57, с. 9].

«Писать вне всякой формы» стали в Серебряном веке – прежде всего «Опавшие листья» В.В. Розанова с их апокалиптическим чувством конца литературы, с их пафосом отрицания литературности. Жажда претворить литературу в жизнь, культуру в бытие пронизывает искания Серебряного века. «Есть художество жизни, – писал Н.А. Бердяев, – по значению своему превышающее всякое художество мысли, художество писательства. И художество это совсем не в том, что люди проводят в жизнь свои идеи. Это – люди значительной и исключительной внутренней судьбы, а не люди практики и внешних достижений» [5, с. 20]. По Бердяеву, эти два типа людей обнаруживают конфликт религии и культуры в их специфическом понимании деятелями Серебряного века: «Религия творит жизнь. Культура же творит ценности. На этой почве рождается трагедия творчества, жажда творить новую жизнь, а не новые «науки и искусства» [3, с. 79]. «Культура должна быть секулярной, она не может быть внешне религиозной». Но творческие задания культуры порождают проблему «божественной глубины человека», «сокровенной духовной жизни..., универсальной, космической» [3, с. 79-80, 76]. По Бердяеву, культура религиозна не только по своему происхождению, но и «по своему заданию». На вершинах культуры начинается кризис культуры, осознание недостаточности её строгих форм, «искание нового бытия» [4, с. 256-257]. Потому проблемы метафизики культуры – такие важные для авторов Серебряного века.

Для А. Белого проблема творчества жизни связана с сущностью культуры и новыми художественными формами. «Новое творчество сольётся с новой жизнью»; «Искусство есть искусство жить» [2, с. 155, 238]. В этом своём онтологическом качестве оно неотделимо от путей культуры в её цельности: «Культура есть стиль жизни, и в этом стиле она есть творчество самой жизни, но не бессознательное, а осознанное». Поскольку «культура определяется ростом человеческого самосознания..., она – индивидуальна и универсальна одновременно; она предполагает пересечение индивидуума и универса» [2, с. 308]. Для большинства авторов Серебряного века это «пересечение индивидуума и универса» – проблема религиозная, связанная с поисками жизненно-действенного христианства, соединения «жизни с религией» [2, с. 350].

Все эти размышления над различными модусами житнетворческого процесса обнаружимы в дневниках Л. Толстого рубежа XIX-XX веков. Недаром для деятелей Серебряного века Толстой – «самое выдающееся явление русской жизни XIX столетия» [2, с. 413]. Концепт жизни – главный и определяющий для художественного сознания, начиная с эпохи романтизма. Русские мыслители искали осознанного творчества жизни. Толстой будет постоянно возвращаться к мысли: «Жизнь есть сознание», непрерывное расширение своих пределов. Низшее сознание – «сознание своей отдельности от Всего» и «высшее сознание: сознание своей причастности ко Всему, сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание всемирности» [т. 54, с. 179]. В этом процессе расширения своего сознания человек сознаёт себя «частью целого» [т. 53, с. 235], «бесконечного потока жизни» [т. 54, с. 128], вечно изменчивого и непостижимого. В человеке возникает чувство духовного пути: «Помни, что ты в пути» [т. 55, с. 114]. Так выстраивается единая цепь: жизнь-сознание-целое-путь-религия-радость. Уже Толстой искомое «художество жизни» называет религией жизни. Религиозное понимание жизни отсылает к жизни внутренней, духовной и всемирной, бесконечной: «Религия есть такое состояние, при котором поступки обуславливаются не соображениями об этой только временной жизни, но соображениями всей вечной, бесконечной жизни» [т. 54, с. 117]. В этом смысле современный человек, человек цивилизации потерял внутреннее религиозное измерение жизни, к которому обращает русская литература, выходя за пределы только литературы. В человеке есть эта религиозная потребность связать свою ограниченную часть с целым, «признать себя частью бесконечного» [т. 54, с. 130]. Человеком движет не воля к власти, а любовь: «Чем больше любви, тем...более...приближается человек к цельности» [т. 54, с. 111]. Состояние любви неотделимо от состояния свободы: «Чем больше живёшь духовной жизнью, тем независимее от судьбы» [т. 54, с. 171]. С духовной жизнью связана «великая радость творить жизнь» [т. 55, с. 123]. К размышлениям Толстого можно прибавить слова Б. Пастернака, одного из наследников нового толстовского понимания жизни: «Жизнь символична, потому что она значительна» [6, с. 43].

Все эти размышления обращают к пониманию специфики путей литературы в «абсурдном» [7, с. 3] XX веке, в котором после блестящего расцвета русского романа и поэзии на первый план выходят традиционно маргинальные жанры дневника, воспоминаний, публицистической прозы, образцами которых становятся дневники М.М. Пришвина, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, воспоминания И. Эренбурга («Люди, годы, жизнь»), записки С.Н. Дурылина «В своём углу», заметки А. Тарковского... Ощущение текучести человека, дар внутренней жизни, ощущение себя частью целого наиболее выразимы в этих традиционно маргинальных формах. Одним из показательных образцов жанра воспоминаний

XX века можно назвать книгу Н.Е. Семпер-Соколовой (1911-1995) «Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке» [7].

В предисловии автор именует свою книгу «записками», «предназначенными для возможного читателя XXIII века». Нет необходимости сочинять роман, «придумывать образы и ситуации...– эпоха и без того остросюжетна». Автор этих записок – «свидетель перемен», «фотограф от литературы», заснявший своё ближайшее окружение. «В объективе памяти» записки превращаются в «фотоальбом», «фильм о своей собственной жизни», «сложную мозаику странных и типичных эпизодов». Задача автора – в потоке истории, в водовороте жизни запечатлеть неповторимые человеческие «я», дать «картину жизни обыкновенных и не совсем обыкновенных людей в этом абсурдном веке, совместившем небывалое расширение сознания – космического, научно-технического и личного с провалом в бессмысленное варварство двух мировых войн и десятка подлых и кровожадных диктатур». Автором движет фёдоровская жалость к миллионам неведомых, неповторимых «я», которых стремнины и водовороты жизни несут «в Ниагару забвения» [7, с. 3]. Задача памяти – сохранить частицу бытия тех, кого давно нет в живых.

Как отмечает Е.Н. Дислер, близкий друг мемуаристки, она «незадолго до смерти стала увлечённо писать мемуары, в которых, как она считала, описала жизнь счастливого человека, полную интересных встреч со знаменитыми людьми русской культуры, катастроф». Но главное, «прожитую так, как хотелось, несмотря на исторические и житейские препятствия». При всей богатой фактографии этой жизни доминирующей линией воспоминаний является формирование внутреннего мира автора, ветер увлечений, становление независимой личности, излучающей радость и волю к жизни. По словам Дислер, «нам выпала честь быть друзьями Н.Е. последние 30 лет её жизни и восхищённо, хоть и во многом и тщетно учиться у неё свободе и радости бытия» [7, с. 394]. Вся её жизнь явилась ярким примером того небывалого расширения сознания, столь характерного для человека XX века.

Первая часть воспоминаний обращает читателя к становлению этой яркой индивидуальности. Родилась она в художественно-артистической среде: отец – театральный декоратор, преданный театру, мать – солистка балета Большого театра, изящная девушка «с решительным характером», стойкая «в борьбе за независимое житейское существование» [7, с. 43]. Главная героиня повествования на всю жизнь сохранит не только любовь к искусству, но и причастность к нему: писала стихи, была графиком-оформителем. Автор воспоминаний даёт крупным планом тех, кто формировал её как личность – прежде всего отец: «Отец воспитывал меня как сына, благо у меня был подходящий мальчишеский характер», увлекал разговорами о путешествиях, книгами. «Мастер на все руки, и от меня требовал того же» [7, с. 159], научил с детства «пилить, чинить, шить, мастерить – и рассчитывать только на свои

силы. Ему я обязана смелостью и независимостью своего образа жизни» [7, с. 19]. Основы личности героини заложены отцовским влиянием. «Как художник он обожал мировую жизнь..., научил соединяться с природой..., всё в ней любить и уважать. Мой детский анимизм перешёл сначала в пантеизм, потом, позднее, в универсализм» [7, с. 32]. Универсализм как «несокрушимый фундамент бытия» [7, с. 17] – результат долгого становления этой независимой личности. Свою лепту вносила дачная жизнь с её ощущением единства, потребности простора и воздуха, растворения в природе.

Авторская личность формируется в сопряжении независимости и универсализма. Такой склад личности, бесспорно, сформирован 1920-ми гг., с их ещё достаточной свободой, близостью к уходящей культуре рубежа веков и пока ещё открытостью западным веяниям. В «советский пуританизм» вклинивалось влияние западной эмансипации: свободные манеры, новые танцы, джаз, спорт. Советская жизнь также «в корне изменила самосознание женщин, выдвинутых на передовую в борьбе за коммунизм. Равноправие было узаконено и внедрено в быт. Учёба и работа стали не только доступными, но обязательными для всех. Девушки увлекались мужскими профессиями, общественными заданиями, рекордами (лётчицы, парашютистки, трактористки...). Понятие «барышня» стало уничижительным и вскоре исчезло из обихода. Личная жизнь, брак, семья, дети – всё отошло на второй план» [7, с. 61]. Героиня захвачена этим освобождающим духом эпохи: «Мне нравился тип *la garconne*»; «Только в XX веке вырвалось тело из оков корсетов, кринолинов, оборок» и воскресла «душа Эллады в анакреонтовском смысле» [7, с. 62, 70].

Важным этапом становления личности стали годы учёбы на Высших курсах новых языков в 1928-1930-м гг. – «самые счастливые годы...самоопределения «я» [7, с. 78]. Но диплом автор так и не получила, несмотря на свою увлечённость, ушла с 3 курса нового института иностранных языков. «Молодость кипела во мне ключом, выплёскивалась через край в страстные увлечения языками, лекциями, концертами, турпоходами, кино... С утра до ночи ходила я опьянённая радостью жизни, полнотой своего я». И в 20 лет «во мне вдруг сформировался внутренний мир в виде чёткой графической схемы, которую я нарисовала и назвала своей «конституцией»; она была укоренена в единстве природы, устремлена к Солнцу» [7, с. 96]. Ощущение себя частицей мирового целого пройдёт через всю жизнь героини книги, определив интерес к Востоку: японской культуре, даосизму, индийской философии, амарнскому искусству. Стремление вобрать в себя мировую культуру и при этом не быть дилетантом в своих интересах: интерес к любой эпохе и культуре начинался с изучения языка, которые давались легко, – определит всю жизнь героини. В этом стремлении соединяются Запад и Восток, чего так жаждала наша культура рубежа веков – «недавно затонувшая русская «Атлантида» [7, с. 72].

Ещё в 15 лет Наталья Соколова придумала себе имя Нелли Семпер, считая своё слишком обыденным. Этим именем она позднее стала подписывать все свои работы. Был создан образ, которому она старалась следовать всю жизнь – образ независимой англичанки-путешественницы, смотрящей на мир глазами пытливого наблюдателя. Этот образ и породил конституцию своего «я» в начале 1930-х гг., в годы молодости. Особое влияние на девушку в этом становлении оказала одна из преподавательниц курсов англичанка Элси Миллман, писательница, журналист, этнограф, она жила в Китае, Индокитае и на Малайском архипелаге, теперь, в «красные» 1930-е гг. решила познакомиться и с нашей «загадочной социалистической страной». Она вселила «дух независимости» и увлекла востоковедением [7, с. 87]. XX век – век стирания границ между Западом и Востоком, время мощного влияния восточного универсализма на западное мышление, перестающее быть самодостаточным.

Столь открытого автора не миновало время рождения культурной антропологии. Автор увлекается «новым типом романа» Р. Киплинга, Дж. Конрада, С. Моэма, который возбудил «интерес к жизни и культуре далёких стран, мечты о путешествиях» [7, с. 115]. Другими проявлениями духа эпохи стали научные раскопки в Египте и Двуречье, публикации древних памятников и первоисточников, бурный рост приключенческого кино. Автор вступает «в пленительный мир восточного образа мысли» через японскую литературу и культуру. Страсть к путешествиям останется на всю жизнь. «Странствуя в меру своих возможностей в пределах наших неприступных границ» [7, с. 87], автор оставил свои восхищённые описания Подмосковья, Поволжья, Средней Азии, Карелии, а были ещё Крым, Кавказ, Армения... Особенно влекла Азия: «духовная бездна.., мать первых цивилизаций...Переживаю всю полноту реальности, постигаю всё сущее помимо времени и пространства» [7, с. 216].

Если бы внешние условия были более благоприятными, автор этих воспоминаний стала бы учёным-востоковедом, переводчиком древних языков, путешественником-этнографом. Но её мечтам об учёбе в Институте востоковедения и даже Ленинградском университете не удалось осуществиться. О существовании «идеологического спрута, охватившего щупальцами весь мир», она пока не подозревала. «Новая действительность воспринималась романтично, с любопытством» (с. 100). Акме её жизнедеятельности 1930-х гг. становится работа переводчиком и референтом (1935-1938 гг.) в ВОКСе – Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей. Её тянуло к интеллигентным иностранцам: «эти люди, которых надо было считать чужими, были мне ближе по духу, чем свои, с ними естественно устанавливался внутренний контакт.., вежливое обращение, неофициальный человеческий подход» [7, с. 175]. Именно здесь она встречает англичанина, «образ которого манил меня всю жизнь», Л. Морриса, племянника известного художника У. Морриса, журналиста и

фотографа, объехавшего весь мир. «По дороге на объекты рассказывал о своих интереснейших странствиях по Востоку» [7, с. 181].

Судьба сводила автора с интересными людьми, и иностранцами, увлечёнными советской экзотикой, и представителями уходящей нашей культурной «Атлантиды». Автор восхищается «уникальной личностью» великого врача В.П. Филатова: «О его профессиональном опыте и мастерстве ходили легенды, но самым ценным в нём было не это, а его внутренний мир – мудрость и этика» [7, с. 143]. Именно он увлекает космическим универсализмом. В дачной же жизни она пересекается с Т.Л. Щепкиной-Куперник, «сразу ставшей душой общества»: «Сущность её неотразимого обаяния – талантливость натуры», «чарующе-женственная, с неженским умом и острым чувством юмора» [7, с. 144]. В одной из поездок в Ленинград она заходит передать пару книг самому Н.И. Конраду (вскоре арестованному): «Я преклонялась перед этим учёным» [7, с. 165]. Она хорошо знала театральную жизнь Москвы 1930-1940-х гг., хотя «чары кулис» на неё не действовали: «темнота, пыль и тоска по голубому небу» [7, с. 155] – восприятие, достойное толстовского героя. Она посещала журфиксы Н.А. Попова, на которых собирались деятели ВТО. Она общается с Энвером Макаевым, «необозримо разносторонним молодым учёным, знавшим 20 языков», готовившим докторскую диссертацию «Введение в изучение «Эдды». «Мы общались и купались в морях всемирной культуры» [7, с. 266]. В уникальном внутреннем мире автора мировая культура и мировая жизнь, Запад и Восток, интерес к философии и языкам, а также любовь к природе и искусству дополняли друг друга.

Главным испытанием на прочность стал арест в 1949 г. «Вся страна охвачена арестами, настал мой черёд» [7, с. 301]. Катастрофа, расколовшая жизнь на две части. Часть третья начинается с главы «Крушение яхты»: «За лёгкий характер меня прозвали гоночной яхтой», которая пошла ко дну [7, с. 298]. Арест стал итогом душевного упадка: «...Нужна была кардинальная перемена, и она явилась в форме ареста». Всё в мире взаимосвязано: «Я допускаю возможность существования разумной космической силы, определяющей ритмы жизни» [7, с. 300]. Третья часть посвящена воспоминаниям о совершенно другой жизни. Абсурд тюрьмы опрокидывает все культурные иды, раскрепощает и обновляет: «Всякий опыт – самодовлеющий вклад в жизнь, он перехлёстывает через условность, укрепляет волю и приоткрывает вход в метасвободу» [7, с. 312]. Она осуждена по статье 58-10 на 10 лет – «за разговоры», и, к счастью, оказалась «не совсем на дне» – в Вятлаге (1950-1955). «Как росток пшеницы из мёртвого тела Осириса, во мне вдруг проросла воля к жизни...Я начала приводить в порядок внутренний хаос, растаскивать груды обломков крушения и расчищать строительную площадку» [7, с. 314].

В лагере пригодилась любовь к деревенскому труду. Здесь она встретила с утраченной природой. «Жизнь интересна повсюду» [7, с. 320]. Лагерь стал новым опытом жизни рядом с простыми людьми и обретения радости в единении с миром. У духовно слепых людей «Прекрасное всегда на последнем месте»: «Никто не участвует в моём дао-настроении, не видит, в какое совершенство облеклась зима...Сострадание можно осуществить на каждом шагу, а разделить со-радование не с кем, удаётся очень редко. Большинство людей приписывают оптимизм эгоизму, радость жизни здоровому телу и не приемлют это светлый дар» [7, с. 359], которым так богато была наделена героиня этого повествования.

Мемуары остались незаконченными. Автор успела написать начало 4-ой части «Освоение воли», довела свои воспоминания до 1959 г., когда они с матерью вновь получили комнату в Москве. Автор ставит серьёзную духовно-психологическую проблему: «Переход к нормальной жизни бывал иной раз сложнее, чем пребывание на Архипелаге». Люди «отвыкли от борьбы за существование на воле и от своей собственной личности, сведённой к нулю» [7, с. 374]. Судьбы лагерных подруг, как правило, драматичны: «Все эти женские «житухи» как надломленные деревья выпрямиться не смогли» [7, с. 372]. После возвращения знакомые автора ждали увидеть «тощего «доходягу» с надломленной душой, а я влилась в их быт как бродящее вино, поразительно счастливая и здоровая» [7, с. 376]. Но нестабильность внешнего существования приводит автора к глубокому осознанию «непостоянства внешнего бытия»: «Всё относительно, кроме Абсолютного» [7, с. 392, 384]. Потому она так легко жертвовала всем житейски-несущественным ради собственной независимости, единения с природой и интереса к мировой культуре. Через всю её жизнь проходит увлечение эпохой Эхнатона и его солнечным культом. В конце лагерной жизни она читает новый учебник древней истории В.И. Авдиева и вновь вспыхивает в ней «чувство духовного сродства с царём-философом XIV в. до н.э.»: «опьяняла радость, я приобщалась к его культу Солнца как видимого воплощения творческой энергии мира. Внутри совершился решающий перелом, определивший цель и содержание второй половины жизни: я решила заниматься Амарной...Переживаю самые светлые и лёгкие дни в жизни – очищение, откровение и неизмеримое счастье» [7, с. 361-362]. Так автор обретает гармонию и равновесие. Так определяется стиль её второй половины жизни. Множатся её интеллектуальные увлечения. В начале 1970-х гг. она вернулась к своей любимой работе референта по восточным культурам, давала частные уроки английского, немецкого, французского языков. А летом – дачная жизнь, прогулки и походы по любимым местам Подмосковья, ощущение себя «заряжённой частицей мировой энергии, мирового целого» [7, с. 385].

Автор этой жизнетворческой повести предстаёт ярчайшим носителем космического сознания в его разнообразных проявлениях – это и интерес к высшей метафизике, универсализму, чувство абсолютной реальности и мировой гармонии, потребность сорадования и растворения в жизни природы. Важнейшим проявлением творческих энергий мира становится культура: приобщение к мировой культуре и особенный интерес к Востоку с его диффузным пониманием личности, с его универсализмом. Перед нами реализованное «художество жизни», человек значительной и исключительной внутренней судьбы, открытость свободе и радости бытия, потому Н.Е. и называла себя счастливым человеком.

Список литературы

1. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. Т.1. – М.: Искусство, 1994. – 478 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 525 с.
3. Бердяев Н.А. Идеи и жизнь // Русская мысль. – 1917. - №3-4.
4. Бердяев Н.А. О культуре // Бердяев Н.А. Философия неравенства.- М.: ИМА-пресс, 1990.
5. Бердяев Н.А. Типы религиозной мысли в России // Русская мысль. – 1916. - №11.
6. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. – М.: Книжная палата, 1989.
7. Семпер-Соколова Н.Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. – М.: Московские учебники и Картолитография, 2007. – 448 с.
8. Толстой Л.Н. Дневники 1891-1909 гг. // ПСС: В 90 тт. Т.52-57. – М.: ГИХЛ, 1952-1957.

Рецензенты:

Океанский В.П., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой культурологи и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», г. Шуя.

Михеева Л.Н., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русского языка, ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет», г. Иваново.